

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ЕВГЕНИЙ СУИМЕНКО,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Феномен незнания, или Кое-что о просвещенном невежестве

Предлагаемый вниманию читателей материал написан мною в жанре фрагментарного эссе. Наверняка, это может показаться претенциозным. Но дело в том, что фрагменты размышлений писались в разное время (первый из них в 1969 году, последний — в 1999), и я счел приемлемым представить их в систематизированном виде, скрадывающем характер мозаичности.

Abstract

The author contends that there are two kinds of lack of knowledge: scientific problem and ignorance. Last one can develop from primitive and naive mythology to refined ignorance looking like science (educated ignorance). It has deep social and cultural roots. Lack of knowledge can be constructive and functional in society, while ignorance is always destructive. In author's opinion, lack of knowledge could make progress, as far as possible, if it would get rid of ignorance.

Знание и незнание

Знание неотделимо от незнания, как свет от тьмы. В знаниях образы и понятия подчинены логике и законсообразности, окружающий мир в них определен и упорядочен, а наша сопричастность к ним делает нас сильными, уверенными и преуспевающими. Незнание начинается за границей позитивных знаний, где царят произвол, пустота, пугающая и одновременно влекущая к себе темень. Одних привлекает расчисленный порядок безупречных научных формул и отталкивает

холодная и пустая тьма неведенья. Другие, наоборот, питают отвращение к чистой и обставленной примелькавшимися предметами комнате знания, их притягивает к себе, почти с мистической силой, завьюженный и страшный простор незнания. Каждому — свое... Но мудрость состоит в понимании плодотворной нераздельности того и другого. Знание без незнания — мертвая догма, напыщенная ограниченность, творческая импотенция, истина в конечной инстанции. Незнание без знания — неконструктивное мифотворчество, схоластика, пустое праздномыслие.

В заидеологизированном диамате вопрос о соотношении знания и незнания решался оптимистически просто: процесс познания есть движение от незнания к знанию; человечество, обогащаясь умом и опытом, постепенно расширяет сферу знания, вследствие чего механически сокращается сфера незнания; конечно же, незнание никогда полностью не исчезнет (иначе диамат не был бы диаматом), но по мере триумфального шествия науки вперед и все выше оно неуклонно будет сокращаться: исчезнут религия, мистика, обскурантизм, и в воссиявшем свете научных истин лишь кое-где останутся зыбкие тени человеческого неведенья...

Если бы так! Однако все обстоит намного сложнее. Преодоленное незнание, конечно, становится знанием, но ставшее знание тут же обрастает, как корабельный киль ракушками, новым незнанием. И чем больше знаний обретает человек, тем в большем объеме и с большей силой наваливается на него груз нового осмысленного незнания. Вспомним строчку из стихотворения Томазо Кампанеллы: “Чем больше познаю, тем меньше знаю...”

Изменяются знания — изменяется и незнание, его природа, характер, объем и содержание. Каждой эпохе присущи свои типы знания и незнания. Если к развитию знания применимо понятие прогресса, то оно, пожалуй, применимо и к развитию незнания, хотя само словосочетание “прогресс незнания” наверняка способно вызвать скептическую улыбку: возможен ли таковой? Оставим пока этот вопрос без ответа, чтобы вернуться к нему в конце.

Познание ведет нас в царство жестокой, обязывающей необходимости. Незнание — оставляет в царстве стихийной, безрассудной свободы. Преимущества того и другого, если и могут соединиться органически, то только в детстве. О сладость детского неведенья!

Прелесть незнания! Незнание столь же необходимо, как и знание. Оно выполняет множество жизненно важных функций как в позитивном, так и в негативном своем значении.

Во-первых, оно формирует нравственные начала человеческой жизни. Незнание бесконечно, а знание — конечно, ибо бесконечен неведомый нам мир, а человек конечен в познании его, и извечная драма все возрастающего незнания преодолевается ... самим же этим *не-знанием*, то есть иным, внепознавательным, венаучным способом духовного освоения мира — нравственно-эстетическим, неутилитарным, ценностным к нему подходом. Принципиально венаучная по своей природе нравственность есть позитивное содержание незнания, оборотная сторона его как негативного явления. Вот тот рубеж, перед которым остановился и который так и не смог преодолеть Роберт Оппенгеймер, испытывавший в последние годы своей жизни “растерянность” и “смятение духа”. “Прогресс науки, — писал он, — сопровождается такой специализацией, что отныне любой человек может овладеть всего лишь незначительной долей человеческих знаний. Это вызывает ощущение невежества и одиночества и, очевидно, ощущение тем сильнее, чем больше человек знает... Развитие науки наглядно показало несоответствие между теоретически безграничными возможностями человеческого познания и ограниченными спо-

собностями одного человека, между бесконечностью и индивидом”. Оппенгеймер — величайший ученый — не смог осознать той обыденной истины, что драма одиночества и обреченности ученого на незнание не может и не должна устраняться познавательным, сциентистским способом. Гораздо ближе к этой истине подошел в XIII веке богослов Григорий Великий, которому принадлежит изречение: “Незнание — мать благочестия”. Не было бы ошибки, если бы к этой формуле он добавил: “...и нравственности”. Незнание делает нас смиренными перед судьбой — и это состояние трансцендентальным образом заставляет людей отказываться от хитростей разума и науки, дающих материальные блага и господство над природой. Взамен они получают созерцание и благоговение перед жизнью. Слабость через смирение инстинктивно толкает человека к поискам спасения в ком-то другом, более сильном — так рождается консолидация людей, непосредственная социальная основа их нравственной жизни. Поиск спасительной силы в другом, подсознательный в своей основе, приводит к результату нравственного порядка двояким образом: с одной стороны, через сочленение индивидуальных познавательных усилий и специализаций в единый социальный интеллект, которому под силу познать и совершить то, перед чем в бессилии останавливается разум индивидуальный, и который тем самым демонстрирует необходимость и преимущества консолидации (преимущества гуманистической социальности перед рациональностью экономики), а значит и необходимость проистекающих из нее заботы о ближнем и нравственного духа человеческого единения; с другой стороны, через прямой вызов ценностного (нравственно-эстетического) сознания — сознанию познавательному, смысложизненного сознания — сознанию инструментальному, в котором, по выражению Достоевского, “нет жизни”. Когда борющийся с косной материей познающий разум начинает испытывать усталость и бессилие, на помощь ему приходит нравственное сознание — самоценный дух. Материальная слабость оборачивается, таким образом, силой человеческого духа.

Век больших завоеваний НТП, “массового изобилия” и вещных благ только осмысленное незнание, следующее по стопам науки, способно вызвать в человеке чувство слабости и беспомощности, а значит и импульс к их преодолению с помощью выработки в себе глубоких нравственных начал. Но это под силу только истинному ученому, а не самоуверенному мещанину в науке. Так или иначе, но функция конструктивного незнания — создавать в человечестве поле нравственного взаимопритяжения.

Во-вторых, незнание выполняет природосберегающую функцию. Преследование еретиков религиозными фанатиками, костры инквизиции были деспотичной, уродливой формой необходимой консервации и рутинизации того минимума достигнутого человечеством опытного знания, который на известном уровне развития человеческой цивилизации создавал гомеостазис системы общественной жизни, баланс культуры и природы, духа и материи. Зная историю, нетрудно заметить, что в определенные ее периоды происходит подобного рода рутинизация и ограничение позитивных знаний — как опытных, так и научных. Зачем и почему? Очевидно, для развития, накопления и усиления необходимых человечеству нравственно-художественных элементов его духовной жизни. Незнание умеряет наши вещные притязания, ограничивает потребности, а значит и нашу экспансию, вторжение в природный мир, направляя тем самым социопсихическую энергию в русло рефлексии, эстетико-созерцательного творчества и нравственного благоговения перед жизнью, природой-богом. При определенно сложившихся стереотипных, нормативных знаниях незнание гомеостатизирует систему общественной жизни за счет снижения экспансивно-предметной активности человека, а значит и сохраняет природу в ее первозданном виде. Именно в таких условиях, когда незнание выполняет природосберегающую, консервирующую (и по отношению к самому человеку) функцию, оно выступает как *закономерное состояние невостребован-*

ности научных или опытных знаний. Кажущееся иррациональным тяготение человечества к незнанию оборачивается рациональностью объективного исторического процесса.

Перед лицом всем нам грозящей экологической катастрофы может возникнуть вопрос: так что же — назад к первобытному незнанию? Нет, вперед к новым знаниям, сопровождаемым осознанным, делающим нас умеренными в притязаниях и нравственными людьми незнанием.

В-третьих, в сфере самой науки незнание выполняет функцию ее постоянно-го внутреннего катализатора. Оно — предступень к новому знанию и тем привлекательно. Человек, живущий только со знанием и движимый им, всегда запрограммирован на определенное застывшее, нормативное действие — таким образом, что со временем он либо превращается в занудливого и бесплодного педанта, либо в конце концов восстает против оккупированного знаниями скучного мира книжных истин. Необходимо, поэтому, бунт против очевидности. Не только незнание должно преодолеваться знанием, но и знание, в свою очередь, должно преодолеваться незнанием. Как тут не вспомнить иронии Гегеля: то, что известно, еще не познано! Творчески одаренный человек призван преодолевать свое знание и выйти в область незнания там, где истина поначалу кажется всем очевидной. Таким человеком был непонятый и осмеянный современниками Лобачевский.

Наконец, еще один момент. Незнание может оказаться богаче знания, ибо пользуясь методом проб и ошибок, идя на определенный риск против всех условностей и установлений, не ставя перед собой специальных целей и задач, человек неожиданно для себя и других может открыть что-то принципиально новое и дать миру неизвестные доселе знания. “Главное — ввязаться в битву” — не такое уж плохое или сомнительное кредо. Не случайно к участию в “мозговых атаках” с некоторых пор привлекают “свежеголовых”, или “людей с улицы”. Метод проб и ошибок — не слепое авантюрное движение к цели “на авось”, а *методологически* умелое, хоть и с риском, применение стратегии научного поиска. Рабиндранат Тагор, похоже, говорил то же самое:

Перед ошибками захлопываем дверь.

В смятенъе истина: “Как я войду теперь?”

Истина приобретается только через преодоление ошибок и заблуждений. Такова ее диалектика. Тот, кто напрямую пытается двигаться от истины к истине, обходя и исключая ошибки, — самонадеянный догматик и педант.

В-четвертых, катализирующая функция незнания касается не только сферы науки, ученых. Бунт против очевидности, потребность в незнании присущи каждому нормальному и тем более творчески мыслящему человеку, ибо конструктивное незнание всегда чревато психологически омолаживающими нас парадоксами и неожиданностями (если таковые рождаются не по прихоти праздного ума или развращенного интеллекта).

В-пятых, незнание призвано выполнять функцию психологической защиты человека от неблагоприятного для него знания. Как в некоторых жизненных ситуациях, так и в известные периоды истории человек инстинктивно стремится к незнанию. Оно оберегает его от скуки рациональности, угрожающей безысходности и отчаяния от своей конечной обреченности. Незнание ставит человека в положение неопределенности, неопределенность вселяет надежду там, где негативное по своей ситуативной роли знание убивает ее, а значит, делает человеческую жизнь невыносимой. Если бы человек знал все о себе и своих близких с точностью регламента или расписания, знал, что ожидает его через месяц, год или два, знал о неотвратимости грядущих событий, как знаем мы день и час затмения солнца или приближения кометы Галлея, — вся его жизнь превратилась бы в вокзальную скуку ожидания своего поезда или сплошную череду адских мучений.

В более глубоких своих основаниях функция психологической защиты есть *функция самой жизни*, функция жизнедеятельности, в которой осознанные действия переплетаются с неосознанными, знание с незнанием, рациональность с иррациональностью и импульсивностью. В незнании часто больше жизненных сил, чем в знании, обрекающем человека на определенность, зачастую ложную, и тем самым ограничивающем его действия. Знание — все равно что езда на рельсовом транспорте, тогда как незнание — езда на коне, который может лихо скакать по бездорожью.

Итак, есть незнание конструктивное, сопряженное со знанием, которое слухит или противостоит ему там, где оно (знание) не способно в принципе решать человеческие проблемы определенного свойства. Но есть незнание иного рода. Имя ему — невежество.

Незнание и невежество

Научное незнание и незнание в рамках здравого смысла — граница позитивного знания, которая постоянно расширяется и дает все новые просторы обретению научных и житейских истин. Невежество — особый вид незнания: оно не граничит со знанием и вообще не имеет границ. Оно есть иллюзия знания, мифы, досужие выдумки, плод химерических представлений о мире. Если содержание незнания — научная проблема, то содержание невежества — априорно ложное всезнание. Невежество вообще не знает проблем.

Итак, незнание незнанию — рознь. Есть незнание ученого, изобретателя, искателя. И есть незнание дикаря, глупца, невежды. Ученый знает, что он не знает и чего он не знает. Дикарь или невежда полагает, что он все знает, и не знает, чего он не знает. Научное, конструктивное незнание всегда содержит в себе импульс самопреодоления, побуждает к новому знанию. Невежество — сорт самонадеянного и самоутверждающегося незнания. Первому присущи мужество, честность и самокритичность. Второму — трусость, агрессивность и самообман.

Практический разум не терпит пустоты

Но откуда и почему возникает априорно ложное всезнание? Какова “гносеологическая” основа невежества? Как это ни парадоксально, но невежество ближе к практике жизни, нежели наука. Практический разум всегда подчинен непосредственно действию, чистый разум свободен от него. Там, где научное познание может “пождать”, потоптаться на месте, дать отсрочку решениям или умозаключениям и, наконец, поэкспериментировать, испробовав различные варианты, практический разум — увы! — не может и не должен “ждать”; он обязан, а чаще всего *вынужден* принимать немедленные решения, опираясь не только на позитивные знания, интуицию, чутье, но и на предрассудки, ложные (неадекватные) знания. Необходимость жизненно важного практического действия не позволяет ему подчас даже проигрывать различные варианты решений. Короче говоря, если знаний нет, а они крайне нужны, то их следует либо выдумать, либо действовать по интуиции, к чему, как правило, и прибегает обыденный практический разум. По этой причине незнание чаще всего существует не в виде гносеологического вакуума, а как мнимое, однобокое, искореженное знание. Но есть и другая причина, по которой практический разум, не терпящий пустоты, наполняется химерами. Причина социального порядка. Дело в том, что люди нуждаются в истине постольку, поскольку она может служить их интересам, и в той мере, в какой обслуживает их потребности. Но как только истина перестает соответствовать интересам людей, они всячески открепчиваются и защищаются от нее оборонительными иллюзиями или

какой-нибудь воинственно наглой философией. У людей в равной мере есть потребность как в истине, так и в самообмане, фикциях, лжи. Потребность в последних и составляет социальную основу невежества.

Невежество от ...знания

Нередко знание становится препятствием на пути творческого познания. Вооруженный им человек напоминает средневекового рыцаря в тяжелых доспехах. Именно такие рыцари первыми легко проваливаются на тонком льду какого-нибудь “Чудского озера” и тут же идут ко дну, в то время как обычный человек, мыслящий на уровне здравого смысла, воспринимаящий действительность в ее непосредственной данности и не обремененный тяжеловесными доспехами книжных истин, быстрыми шажками скользя по льду и неглубоко проваливаясь, способен в конце концов выбраться на твердый берег.

Нередко мифотворчество подчиняет себе практический разум не только из побуждений людей создать для себя утешительные иллюзии или оправдать в собственных глазах авантюризм и фанфаронство, но и вследствие общественно значимых интуитивных “озарений”, энергичного напряжения зарождающейся человеческой потребности в действительно необходимом для будущего прогресса каком-либо предмете, суть, смысл, содержание которого и способы, пути обретения которого еще настолько неясны, расплывчаты и грубо схематичны, что попытки их осмысления только и могут появиться в человеческом сознании в виде мифов и утопических построений.

Миф мифу — рознь. Есть мифы-пророчества, и есть мифы как праздные домыслы.

Незнание, таким образом, — это не пустая комната. Оно всегда чем-нибудь заполнено. Но в одних случаях оно выступает вмещителем упорядоченных научных проблем, задач, предположений, догадок, пробных вариантов решения, в других — представляет собой хаос отрывочных представлений, мифологизацию реальной возможности каких-то событий (явлений) или конструктивную утопию, в лучшем случае; в худшем — тщательно выстроенную систему измышлений и наукообразных небылиц.

Самый худший вид невежества

Невежество имеет свою историю и, очевидно, должно иметь свою типологизацию. По крайней мере, оно многолико. Есть невежество как власть тьмы, подменяющее — ради самосохранения людей — знание верованием, этим “могущественнейшим ресурсом слабых натур”, по выражению И.П.Павлова. Есть невежество по недомыслию, неразвитости, легковерию. Оно может быть милым, невинным, наивным, соответствующим классическому восклицанию “sancta simplicitas!”. Может быть воинственным, злым, раздражительным в своей беспросветной несурзности (и как тут не вспомнить хрестоматийных персонажей — Дикого или Кабаниху). Наконец, оно может являть собой образец жестокого фанатизма и слепой карающей власти — пример тому история святой инквизиции. Есть летучее и скоропреходящее невежество ребенка — и есть тупое, закостенелое невежество “старух зловещих, стариков, дряхлеющих над выдумками, вздором”. Едва ли не самое распространенное и живучее невежество — религия. Еще более совершенной и живучей по сравнению с ней является невероисповедная мистика. Это особый сорт невежества. Невежество тонкое, изысканное, привлекательное. Но самый страшный, коварный и худший вид невежества — это *просвещенное* невежество, продукт

научно-технического прогресса, детище конца XX столетия, невежество интеллигентного человека, уверовавшего в иллюзию своих разносторонних знаний.

Невежество — вечный спутник человеческой глупости и ограниченности. Но не только. Очень часто оно проистекает от лени, праздности и самоуспокоенности ума. Ум ведь тоже, как и глупость, бывает разным. В эпоху многознания, которое, как известно еще со времен Гераклита, уму не научает, очень худо приходится умам посредственным: им трудно переварить, расставить по местам, систематизировать обилие обступившей их со всех сторон информации, и тогда, обремененные непереносимым многознанием, они начинают нести околесицу. Но есть и другая разновидность ума: высокопарящий аристократический ум, пренебрегающий грубыми эмпирическими знаниями; ум, погруженный в схоластические игры или изобретающий “колыбели для кошек”, — такой ум, во-первых, деградирует, во-вторых, становится социально опасным. До крайности дошедший ум есть глупость, — сказал кто-то из великих людей. Такой-то вот ум и начинает провоцировать вокруг себя просвещенное невежество “сверхумных образованных”, по определению непопулярного сегодня Энгельса.

В отличие от традиционного, “темного” невежества, откровенно противопоставлявшего себя науке, современное “просвещенное” невежество прячется под той же наукообразности. Оно трудноразличимо — и этим опасно. Прежнее невежество — от темноты, глупости, неразумения, забитости. Сегодняшнее — в основном от гипертрофии одностороннего знания, непомерных амбиций, эгоистических устремлений, честолюбия, тщеславия. Изощренное юродствование, беспринципный фидеизм, патологическая страсть ко всепримиряющей агностике, оккультизму или, наоборот, претензия на абсолютное всезнание; безапелляционность суждений; вычурный камуфляж тривиальщины; стремление ошарашивать парадоксальностью суждений; дьявольский талант усложнять элементарное и упрощать сложное; убежденность без знания и полнейшее отсутствие саморефлексии, самокритичности; снобистское пристрастие к сомнительным новациям и псевдоновациям — таково оно, нынешнее просвещенное невежество, обставленное трескучей фразеологией. Оно рвется к трибунам и кафедрам, в радиоэфир и на телеэкраны, на страницы популярных газет и журналов, не брезгует и толпой легковверных или разувверившихся людей. Нужно отдать ему должное: оно искусно мимикрирует под науку. Более того, становясь привлекательным, просвещенное невежество способно вызывать опасный эффект псевдонаучной пандемии, превосходящей по масштабам самые популярные виды религиозных верований. Так доверие к науке оборачивается изощренным мистицизмом, и главным возбудителем этой социальной болезни выступают опять же “сверхумные образованные”, то есть так называемые интеллигентные люди.

Наверняка здесь могут последовать возражения: “Позвольте, но оккультизм достигает той же истины, тех же результатов, что и наука, но только вненаучным, трансцендентальным, интуитивным способом! Более того, с помощью магии, медитаций, оккультизма человечество достигло таких успехов и таких открытий, к которым оно до сих пор не может приблизиться научным путем. Разве Вы не убедились в том, что астрология — это отнюдь не произвольные домыслы, что гороскопы подтверждают зависимость образа действий и поведения людей от времени их рождения, что пророчества провидцев сбываются, что... и т.д., и т.п.”

Полноте! Любый человек, владеющий целостным научным мировоззрением или здравым смыслом, прекрасно понимает или должен, в конце концов, понимать две вещи. Во-первых, “общенародный эмпиризм”, по толковому выражению

И.П.Павлова, богаче науки по своим позитивным опытным приобретениям, ибо арсенал его предельно широк, а время существования неизмеримо дольше “научного периода” развития человеческих знаний. Не сама наука, а ее недавние институты, атмосфера, царящая в них, привели к игнорированию этого эмпиризма. Ученые высокомерно отворачивались от него вместо того, чтобы трансформировать зерна здравого смысла среди шелухи домыслов в научные знания. Сейчас, похоже, эта ошибка исправляется. Во-вторых, “общенародный эмпиризм”, вслепую фиксируя латентные причинно-следственные связи, но вместе с тем не находя им научного объяснения и не вскрывая их истинной природы и материальных механизмов, пребывал, по большей части, под покровом мистики и домыслов. Опытные знания всегда легко интерпретировать религиозно-мистическим, идеалистическим или фантастическим образом, что породило целые институты изощренных шарлатанов (оснащенных сегодня компьютерной и иной техникой).

Когда колдун или бабка-шептуха изгоняют заклинанием злого духа и когда в клинике больным вместо снотворного нередко дают таблетки-пустышки нейтрального действия, эффект одинаков — больные успокаиваются и, может быть, даже выздоравливают. Но в первом случае лекарь верит в некие потусторонние силы, во втором — специалист-медик действует с научным пониманием механизма психотерапевтического эффекта “пустышек”. Действия последнего ограничены областью доступного, действия первого ничем не ограничены, ибо, как уже отмечалось, невежество не имеет границ. К сожалению, колдунов и шептух сегодня больше среди просвещенных, интеллигентных людей, нежели среди людей непросвещенных.

А гороскоп, астрология? Тот же позитивный эмпиризм в мистической оболочке, имеющий вполне научное объяснение. Формирование плода в утробе матери происходит под влиянием (и с “учетом”!) естественно-экологического, природно-циклического (климатического) факторов, от чего зависит как состав молока матери, так и “ожидаемая” ситуация адаптации и развития ребенка после его рождения. Эти факторы влияют не только на соматическую структуру организма, но и на тип психических реакций, психомоторику и характер человека. Все остальное, касающееся событий или настроения “в четверг” или “в пятницу”, — наукообразный вздор, продуцируемый или поощряемый людьми интеллектуального труда.

Почему интеллигенция?

Сам характер профессиональной деятельности вынуждает людей умственного труда постоянно сталкиваться с незнанием, сопровождающим творчески-изыскательную деятельность, и это незнание далеко не всегда преодолевается ими адекватным образом. На грани знания и незнания могут осуществляться как научные исследования, так и околonaучное мифотворчество, и поскольку с некоторых пор произошло омассовление субъекта интеллектуальной деятельности и в ряды интеллигенции все чаще стали попадать “простые смертные”, то стоит ли удивляться, что производство научных знаний стало все больше сопрягаться с производством невежества.

Есть и другие ответы на вопрос “почему?”. XX век почти весь прошел под знаком потрясающих воображение и не верифицируемых непосредственным опытом научных открытий. Парадокс стал своего рода нормой научного открытия. Корпускулярно-волновой дуализм, потеря фотоном массы, относительность пространства и времени, “парадокс близнецов”, обнаружение “черных дыр”, чудеса генной инженерии — лишь малая толика тех парадоксов, которые, не переставая удивлять обыденный разум, подготовили основу для релятивистской псевдометодологии, согласно которой в окружающем нас мире (как и в нас самих) “в принципе все возможно”, в том числе и загробная жизнь, существование бога в качестве духовной метасубстанции, нечистой силы, ада, рая и пр. Чисто эстетическая потребность в

невероятном из области научной фантастики перекочевала в сферу мировоззренческих установок и оккультнистских учений, из сферы познания — в сферу социально-экономической и политической практики. И уж, конечно, наше “естественно-научное мещанство” (по выражению Д.С.Писарева) не преминуло приложить к этому руку.

Наконец, есть и социальная причина “приоритетной” роли интеллигенции в производстве и распространении невежества. Интеллигенция — элита. Сам бог велел ей все знать, разуметь и нести знания в массы: **призвание и статус обязывают!** Но поскольку вместе с положительными знаниями она производит и их суррогаты, утопические конструкты и мифы, то на головы неискушенных людей вместе с потоком научной информации обрушивается и невежество. Разумеется, не по злой воле, не по умыслу (хотя и это не исключается), а вследствие, опять же, особенностей социального положения интеллигенции.

Где-то у Плеханова проходит мысль о том, что сознание человека из народа более определено, чем диффундирующее сознание интеллигента. В отличие от других общественных групп и классов, положение интеллигенции более размыто, “эксцентрично”, и примененное к ее статусу понятие “прослойка” не столь уж неудачно. Стараясь объять человеческий мир единой абстракцией в соответствии со своей интегрирующей социальной ролью, интеллигенция, естественно, прилагает усилия к тому, чтобы создать себе и соответствующую духовную опору в виде единого, интегрального мировоззрения. Пожалуй, лучше других в этом плане выразился Август Стринберг в своем “Уединении”: “Я король и нищий. Я обладаю всеми взглядами и признаю все религии. Я живу во все века, хотя и сам перестал существовать. Это состояние, которое дает невыразимое счастье”. Это кредо, отражающее надгрупповое, или трансгрупповое, положение интеллигенции, как нельзя лучше передает дух, смысл, силу и слабости духовной элиты общества.

Но как сложно, невероятно мучительно интегрировать в своем сознании трагически разорванный и наполненный взаимными распрями мир! Еще сложнее идентифицировать себя с ним. Лишь немногим это удастся с помощью онтологизации познания или бегства от прагматики в сферу нравственного или чистого духа. Большинство же ожидает иная участь. Их мировоззрение формируется по нехитрой технологии дилетантизма — “обобщения вещей необобщимых” (К.А.Тимирязев), то есть путем искусственного соединения разрозненных знаний в некое подобие системы или по принципу: “Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет”. Напластование друг на друга самых невероятных учений, положений, знаний, подходов, коими богаты современная наука и духовная жизнь общества, при ограниченности личного рационально ориентированного жизненного опыта и адекватных конкретным ситуациям избирательных способностей — вот та основа, на которой процветает и буйствует современное просвещенное невежество. Милый интеллигентному сердцу “плюрализм мнений” чаще всего скрывает за собой плюрализм невежества. Хуже всего, когда подобный плюрализм поселяется в одной голове.

И еще — узкая специализация. Профессионально интеллигенция менее невежественна, чем мировоззренчески. Когда дело доходит до обобщений, интеграции и генерализации знаний в целостное мировоззрение, обнаруживаются страшные перекосы: великолепный знаток своего дела вдруг начинает выступать полнейшим невеждой в чисто житейских, политических или социальных вопросах. Но попробуйте упрекнуть его в незнании!

Индикаторы просвещенного невежества

В чем же все-таки состоят отличительные признаки, по которым можно выловить факты просвещенного невежества? Каковы особенности его “почерка” и чем отличается оно от обычного заблуждения, недомыслия или просчетов?

Просвещенное невежество — ***систематизированное*** незнание, устойчивая установка на наукообразные фикции, мифотворческий стиль мышления. В этом его отличие от обычного заблуждения, случайных ошибок или эстетического увлечения мифом. Его социально-пространственный диапазон может расширяться или сужаться прежде всего в зависимости от того, в какой фазе — восходящего или нисходящего — развития пребывает субъект исторического действия. Общественный упадок, кризис, крутые повороты событий, сопровождающиеся ломкой представлений и посрамлением ортодоксальных доктрин, конечно же, способствуют массовому распространению и углублению невежества, точно так же как эпоха общественного взлета расширяет созидательные горизонты общественного сознания.

Просвещенное невежество — это прежде всего плод травмированной социальной психики. Его основу составляют стрессовые ситуации, состояние фрустрации, амбивалентность и, наконец, социальная аномия. Это все известно. Менее известно, как и почему в “благополучные” времена человеческой истории появляется и начинает вдруг процветать просвещенное невежество, какие специфические механизмы провоцируют и поддерживают его. По всей вероятности, одним из психологических механизмов такого невежества является духовная пресыщенность истинной и порядком, интеллектуальная развращенность сибаритов.

Фрэнсис Бэкон заметил: “Если люди станут безумствовать по одному образу и форме, они достаточно хорошо могут прийти к согласию между собой”. Но одной конформности, очевидно, недостаточно для понимания механизмов проявления просвещенного невежества как систематизированного, устойчивого незнания. Его верификаторы крайне многообразны.

Вот некоторые, как мне думается, надежные определители просвещенного невежества.

Монокаузальный подход к познанию и оценке какого-либо явления (поиск панацеи!). Практический разум чаще всего лихорадочно ищет какую-то одну, универсальную, всеобъясняющую причину, а стало быть, и некий единый способ (средство) ее устранения, то есть панацею. Панацея очень удобна, экономна и, главное, проста в обращении: раз-два — и в дамки! Давайте вспомним магические стереотипы последних лет или десятилетий. В медицине — “чудо голодания”, “сыроедение”, “живая и мертвая вода”, “обливание по Иванову”, “чудо гипноза и психотерапии Кашшировского” (все остальные персоналии заняли бы много места). В экономике: “Аксайский метод”, “Саратовский метод”, “Щекинский метод”, “бригадный подряд”, “госприемка”, “госзаказ”, “разгосударствление”, “рыночная экономика”, “либерализация цен”, “шоковая терапия”, “приватизация” (что дальше?). В политике: “плюрализм мнений”, “демократические методы”, “гражданское общество”, “правовое государство”. Примеры можно продолжать и продолжать. Подчеркну главное: суть дела не в каждой из перечисленных панацей — состоятельна она сама по себе или нет, а в том, что ее роль абсолютизирована, доведена до абсурда. А что последнее имеет широкое хождение, сомневаться не приходится. Как два десятка лет назад каждая вторая диссертация по философии, научному коммунизму или истории КПСС была посвящена “Управлению...” таким-то и таким-то объектом, “Социалистическому образу жизни” или “Активной жизненной позиции личности”, “Социальной активности...” такого-то и такого-то субъекта и т.д. в качестве панацей от приближающегося кризиса, так и современный научный репертуар

диссертаций очерчен новейшими панацеями “рыночной экономики”, “демократизации общества” или “формирования национальных элит”.

Просвещенное невежество как систематизированное незнание, как образ мышления появляется не тогда, когда человек споткнулся на какой-нибудь панацее, а тогда, когда он *постоянно нацелен* на ее поиск, когда лихорадочно шарается от одной панацеи к другой, не понимая принципа конкретности истины, не учитывая логики всеобщей связи и системного характера явлений, не сообразуясь с особенностями проявления объективных законов, действующих в той или иной области действительности. И самое главное: нетрудно заметить, что постоянная обращенность к панацее (монопричине) сродни верованию во Вседержителя, бога. Обращенный к панацее чаще всего не осознает, что он — потенциальный монотеист, а значит, и закоренелый невежда.

Неправомерная экстраполяция знаний. Этот индикатор определяется известной моралью: “Беда, коль пироги начнет печи сапожник...”. Перенесение знания об одном предмете исследования или оценки на совершенно другой по своей сути предмет — признак неглубокости, методологической слепоты. Примеров хоть отбавляй. Зная что-то о чем-то, невежда полагает, что эти знания вполне применимы к чему-то другому, кажущемуся ему тождественным первому. Это относится как к предмету, так и к способу оценки или суждения. Сплошь и рядом приходится сегодня выслушивать легкомысленные рекомендации вдруг озаренных светом случайного знания мудрецов: “Нам нужно брать пример со Швеции...”; “Вот я была в Швейцарии, и, Вы знаете, нам нужно у них поучиться...”; “А вот в Японии этот вопрос решили таким образом...” И невдомек мудрецам, что аналогии с желаемым здесь несостоятельны или рискованны и все их выводы не подкреплены подлинным знанием специфики предмета суждения.

Другой способ неправомерной экстраполяции — проецирование своей узкоспециальной методологии мышления на сферу познания и оценок, требующих совершенно иного, адекватного их природе подхода. Когда специалист по древнеславянской мифологии начинает давать оценки тому или иному политическому курсу партий и движений, поэт-филолог — заниматься внешней политикой государства (обращаясь с ней фривольно, как с рифмой, давая, к примеру, советы как решить проблему энергоносителей путем покупки нефти для Украины в Венесуэле), известный кардиохирург — выдвигать концепцию несостоятельности прежнего общественного строя на том основании, что он-де “не соответствует биологической природе человека”, а доктор химических наук — “открывать принципы постсоциалистического соревнования” и требовать от Верховной Рады создания комитета по их реализации, доказывая, что все беды людские в Украине — от незнания этих принципов, то ничего кроме претенциозного наукообразного невежества мы перед собой не имеем.

Умозаключения на основе спекулятивной и произвольной комбинации разнородных признаков. Это индикатор прежде всего методологического невежества, то есть грубого инженерно-конструкторского подхода к решению социальных проблем путем механического соединения надерганных из разных общественных систем реально несочетаемых признаков. Помнится, как в печати один из столпов российской демократии предлагал в не столь далекие от нас времена соединить достоинства шведской модели общественного устройства с достоинствами испанской, японской, китайской и еще каких-то, не утруждая себя анализом того, вычленимы ли эти признаки из породивших их систем и насколько на самом деле сочетаемы они были бы в условиях тогдашнего советского общества.

Псевдоновации. Стремление бежать впереди всех прогрессов, с легкостью необыкновенной отказываясь от привычного, устоявшегося, наработанного, — броская черта просвещенного невежества. Она обнаруживается не только в жалком снобизме, в неуместных компиляциях нескончаемых зарубежных новаций или вы-

движении скороспелых сомнительных концепций, но и в элементарном — в лексиконе политических деятелей или ученых мужей, бойко и тысячеусто повторяющих свежееиспеченные фразы о “судьбоносных решениях”, “новом мышлении”, “общечеловеческих ценностях”, “цивилизованном рынке”, “имперских амбициях” и т.д. Невольно приходит в голову мысль, что кто-то специально выпекает эти слова-приманки для наших шумливых “интеллектуалов”.

Придание многозначительности произнесению банальных вещей, в общем-то тривиальных положений сразу должностораживать: это вернейший признак плохо скрываемого невежества. Оно дает о себе знать даже в тональности речи!

Знание оперирует логикой и фактами, незнание — проблемами и гипотезами, невежество — схоластическими упражнениями, магическими заклинаниями и экзальтацией.

Еще одна черта просвещенного невежества — его самопотребность. Невежество хоть и вырастает на “живом древе познания”, но все же питается самим собой. И поскольку традиционное примитивное невежество уже не годится в пищу современному — изысканному, то повара интеллектуальной кухни научились готовить из научных парадоксов великолепные блюда чертовщины и мистики. В письме к Ринетт де Соссин Антуан де Сент-Экзюпери остроумно и зло высмеял эту кухню: “Светским людям приелась повседневность. А Эйнштейн мог, видите ли, научить, как попасть с площади Согласия на площадь Бастилии более коротким путем, чем по прямой, как проходить сквозь стены или возвращать время... Непонятное всегда привлекательнее того, что ясно. Из двух объяснений какого-нибудь явления люди инстинктивно предпочитают сверхъестественное. Потому что другое, истинное объяснение слишком просто и тускло: от него волосы не встают дыбом. Парадокс всегда притягательнее, и большинство всегда предпочитает парадокс. Очень многие заблуждения обусловлены именно такой потребностью. Потребностью приукрасить мысль не для того, чтобы лучше ее понять, но для того, чтобы потрясти воображение. Можно пойти гораздо дальше. Можно, пожалуй, сказать, что все, что поражает и прельщает воображение, почти всегда неверно. И первое условие понимания есть своего рода бескорыстие, забвение самого себя. Светские же люди используют науку, искусство, философию, как они используют шлюх”.

Великолепно! Вспомните хотя бы “крыс-мутантов” в московском метро, созданных незатейливой фантазией сутенеров-журналистов на потребу нашим развращенным “светским людям”.

Мы легко признаем свое невежество, проявляющееся в случайных ошибках, заблуждениях или нечаянных домыслах. Но за невежество, возведенное в ранг идеологической системы или мировоззрения, мы стоим насмерть, и умирает оно только вместе с нами.

Дени Дидро и ... Михаил Горбачев

Просвещенное невежество нередко любит пококетничать: “Никто не может претендовать на истину в последней инстанции”. Не правда ли, что-то уж очень знакомая фраза? Да, конечно же, ее настырно и подозрительно часто в последние годы своего правления любил повторять Михаил Горбачев. Но она не нова. Задолго до Горбачева француз Дени Дидро выразил эту мысль более четко, глубоко и ко-

нструктивно: “Великое преимущество философа состоит в том, что он, не имея достаточных оснований для суждения, умеет оставить вопрос открытым”.

Так может и должен говорить ученый. Но так не может и не должен говорить политик, государственный деятель. То, что является величайшим преимуществом человека в сфере науки, будучи перенесено на область политики, как это делал Горбачев, оборачивается беспомощностью и беспринципностью. Государственный или политический деятель всегда должен иметь четкую позицию, не вправе оставлять вопрос открытым, обязан принимать решение в меру своих знаний и понимания ситуации, иначе он перестает отвечать своему назначению. Горбачев, который, по его словам, “тоже занимался когда-то философией”, либо хитрит, темнит, путает карты, либо обнаруживает тем самым свою интеллектуальную недалекость и невежество.

Не знать нужно уметь

Итак, есть незнание, обращенное к свету знания. Оно заполнено догадками, предположениями, предугадыванием и страстным стремлением к истине. И есть незнание, трусливо или злобно отворачивающееся от этого света. Люди редко признаются в своей некомпетентности, особенно по вопросам повседневной жизни общества. Не каждый находит в себе мужество и резон сказать: “Я не знаю”. Чаще всего невежды прибегают к небылицам, к повторению обывательских измышлений, и лишь немногие владеют даром реалистического, конструктивного незнания, которое вызывает в них душевные мучения, заставляет думать, искать и находить, быть осторожными в суждениях и выводах.

Незнание — нравственно, невежество — безнравственно.

Умение не знать — это не знать, не впадая в невежество. Знать не зная и не зная зная — в этой диалектике, очевидно, состоит культура человеческого незнания. Прогресс незнания, если только он возможен, состоит в освобождении незнания от невежества — вот ответ на ранее поставленный вопрос, и завершить этот пассаж хотелось бы словами Эмиля Верхарна:

И если есть еще угрюмых тайн пещеры,
Где гаснет солнца луч, уйдя в густой туман,
Не скажем: там живут лемуры иль химеры,
Мы предпочтем не знать, чем утверждать обман.